Да, рано, около девяти утра.

На поле боя стороны Мин и Цин находились в полном контакте и участвовали в жестоком наступлении и обороне на линии обороны, которая протянулась на шесть или семь миль.

Армия Мин под прикрытием артиллерийского огня продолжала шаг за шагом давить и уже прорвала первое укрепление армии Цин.

Чем больше войска Мин воевали, тем смелее они становились, их моральный дух был неизмерим, и их величественные войска постоянно давили вперед.

Армия Восьми Знамений не была готова проявить слабость, и со своей храбростью, они использовали свое преимущество на земле, чтобы противостоять мощной огневой мощи армии Мин.

Во главе Пхеньяна Цзиль Харан спокойно разобрался в ситуации, и когда он был уверен, что большая часть войск Мин находится в пределах артиллерийского радиуса действия, он решительно приказал Восьмизнаменному артиллерийскому батальону вести ответный огонь!

Бряк! Бряк! Бряк!

Краснопокрытые пушки в артиллерийском массиве армии Цин рычали, словно густая гроза, и небо рухнуло.

Туба и другие монгольские воины, командовавшие сражением, были совсем не готовы, кричали и кричали, и царил хаос.

Туоба, который был одет в доспехи, вспыхнул в холодном поту, и твердая пуля от Цин армии только что забрал одного из его личных солдат прямо рядом с ним.

Всего в нескольких метрах от него, про солдат, который только что призывал к нападению на своего военного коня, исчез в одно мгновение, даже голова военного коня исчезла……

Туоба и офицеры и генералы северной столицы Чжэнбэй, которые были заняты тем, что срывались со своих лошадей, чтобы спрятаться в первом оборонительном окопе, который они только что заняли, кричали, чтобы поприветствовать остальных своих солдат, когда они укрывались.

Пушки в красной одежде, используемые армией Цин, выпускали снаряды, представлявшие собой цельные железные шары весом в несколько или даже в десять фунтов, и один выстрел мог пробить серию из них, убив как мужчин, так и лошадей.

На плоском поле боя, если не было прикрытия, это было равносильно самоубийству, и Армия Восьми Знамений много раз страдала от Армии Мин.

Когда монгольские солдаты пробирались в окопы или ползали по животам, прячась за трупами Цин, звуки боя на поле боя угасали, и только орудия Цин рычали.

Когда они увидели, что войска Мин гнездятся в своих окопах, армия Цин потеряла свою цель и у них не было другого выбора, кроме как приостановить артиллерийскую бомбардировку и перейти к подготовке к повторному захвату первой линии обороны.

Ты загружаешь своих людей, я загружаю своих!

Армия Мин не пожелала проявить слабость, Туба и Урито выпрыгнули из окопов вместе с монгольскими солдатами и убили их.

Более десяти лет назад войска Улата были прикреплены к Восьмизнаменной армии Хоуджин и следовали за ней, атаковавшей Даммин, Чосун, Калка Монголии и Шаньхайгуань внутри и снаружи, а также были старыми знакомыми с Восьмизнаменной армией.

Перед лицом бывшего дружественного войска, уратское племя не было вежливым, под руководством вождя Тубы, все сражались мужественно, каждый из них владел оружием, убивая Восьмизнаменную армию.

Как семья дяди дяди императора Фулина по материнской линии Цин еще более преувеличивали, все стали храбрыми, не ворчливыми, а просто резали! Без пощады!

Не оставаясь в стороне, вождь керчинского племени Урито последовал примеру Тубы и вырвался из окопа.

Хэ Хаар, монгольский горкин, ростом в один метр, был капитаном личной армии У Рито и первой партией монголов, присоединившихся к императору Тянь У.

В это время Хэ Хаар держал в руках молоток с цепным игом и железный щит, а затем пристально следил за У Рито, разбивая до самого конца, сбивая с ног вылетевших солдат Восьми Знамений.

Неважно, был ли это меч или щит, ни то, ни другое не могло остановить силу цепного удара молотка, и солдаты были разбиты на куски своими мозгами и костями.

С потерей первой линии обороны, в сочетании с бесстыдной войной Армии Мин с бросанием мин, линия фронта Восьми Знамен потеряла храбрость, и вторая линия обороны вскоре была пересечена, а линия обороны Армии Цин также отступала последовательно.

"Воины, заряжай!"

Туба закричал и подтолкнул свою лошадь к нападению.

С криком от него, монгольские солдаты были под напряжением и сразу же начали полную погоню, продолжая расширять свои завоевания.

Джирхаран, во главе Пхеньяна, был как всегда спокоен, и сказал санитару рядом с ним: "Пошлите приказ моего короля приказать свергнуть корейский флаг"!

"Болтовня!"

Лакеи рядом с ним поспешили отдать приказ.

Мгновение спустя северокорейский солдат с оружием в руках и ногах вступил на третью линию обороны.

Цуй Нима схватил пушку в руке и посмотрел вперед на поле боя, его сердцебиение ускоряется невольно.

Как и в битве при Сюаньчжоу, наступление армии Мин все еще было таким сильным!

Артиллерийский бой между двумя сторонами снова начался, и во время обстрела земля

яростно сотрясалась.

Гравий безудержно прыгал по земле, и пыль летела вверх и вниз, словно для того, чтобы снова танцевать под гравий.

Даже с такого расстояния Троица мог чувствовать огромные толчки, вызванные артиллерийским огнем армии Да Мин.

Под звук шагов группа солдат "Восьми знамен" с ящиками входит в окоп.

Цуй Нима знал, что эти собачьи корзины были здесь, чтобы раздавать "подарочные пакеты".

Один за другим пороховые пакеты раздавались пятистам корейским солдатам, которым говорили, что когда звук артиллерии через дорогу прекратится, настанет время для армии Мин снова начать наступление, и тогда настанет время для них, "Великого Батулу Цин", служить своей стране.

Некоторые корейские солдаты горько плакали на месте, кричали, что сожалеют об этом, в то время как другие отказывались идти на смерть.

За такое нарушение контрактных обязательств корейскими солдатами у них нет ни одного дополнительного случая, чтобы их на месте срубили восемь солдат знамен, чтобы отпугнуть военных.

Цуй Нима оглянулся вокруг и не мог не выглядеть отчаявшимся, не было выхода из сложившейся ситуации!

Он улыбнулся себе, татарская еда была настолько вкусной? Я все еще слишком наивен!

Четверть часа спустя артиллерийский огонь армии Мин постепенно прекратился.

Монгольские солдаты напали снова, и на этот раз, помимо монгольских солдат, даже Чжу Юнэн привел Чжэнбэйскую армию, чтобы убить их, пытаясь прорваться через последнюю линию обороны Циньской армии.

Феянго закричал: "Батул, заряжай!"

Сотни корейских солдат с пороховыми пачками, привязанными к голове, бросились к взрывающейся армии Мин, некоторые с глазами, как будто они видели смерть, другие со страхом в глазах.

Но это война, поле боя, где ты живешь и умираешь, и так обычно приходят все, за исключением того, что на этот раз вещь, привязанная к их телам, действительно жуткая.

Когда Троица бежала, ей удалось удалить и выбросить пороховую стаю с искрами на ней.

Тем не менее, пороховая стая была привязана за ним, как рюкзак, а также была привязана к его телу несколькими тонкими проводами, так что он не мог ее снять.

В их ушах прозвучали выстрелы и крики, а по дороге вперёд всё время появлялся свежий труп.

Спина Тренимара была холодной, когда он увидел перед собой товарищей, с такими же пороховыми стаями, привязанными к спине, и длинным предохранителем сзади, как хвост,

который горел все короче и короче, когда он смотрел, как он шел.

Он хотел подняться и сорвать его, чтобы спасти свою жизнь, но парень был настолько шокирован, что побежал слишком быстро, чтобы догнать его.

На самом деле, пока они снимали друг у друга предохранители, у каждого был шанс жить.

Просто в такой кризисной ситуации люди склонны быть эгоистами, независимо от того, полезно это или нет, все, о чем они могут думать, это как убежать, как они могут еще спокойно разговаривать с группой людей в период времени, чтобы сотрудничать?

Наконец, был громкий взрыв, и парень спереди, который только что ворвался в кучу войск Мин, раскололся.

Наступление армии Мин застопорилось лишь на мгновение, прежде чем ворваться с еще большей жестокостью, и многие корейские солдаты рухнули, не успев добраться до армии Мин.

Однако при взрыве первого северокорейского солдата на поле боя один за другим происходили взрывы.

К этому времени разум Чхве Ньимы уже давно остыл пустым, а его ноги и желудок вращались так, как будто он видел его падение.

Но теперь не оставалось места для побега, он мог только сильно толкнуть вперед.

Это была война, и на кону были человеческие жизни!

Прозвучал хрустящий выстрел, и упал молодой человек рядом с Троимой, четырнадцать или пятнадцать или шестнадцать лет, его лицо еще молодое, а теперь только холодный, увядающий труп.

Слезы стекали по глазам Тринемы, когда он возвращался к своим чувствам, он не знал, почему, может быть, это был страх, но он также чувствовал грусть за молодого человека.

"Бах!"

Еще один выстрел раздался с близкого расстояния, и Троица не мог сказать, идет ли атака от армии Минг перед ним или от Восьми Знамений позади него.

Он упал на землю головой первой и посмотрел на серое небо, в своем замешательстве он наклонил голову, чтобы посмотреть вперед, Мин армии становилось немного больше на его глазах, он даже мог видеть равнодушие на лицах тех солдат Мин.

"Бум!"

Сильный взрыв заставил его стать одним из бесчисленного множества погибших на этом поле боя, и его душа улетела.

http://tl.rulate.ru/book/41393/1090511